

«ПЕРЕХОДНЫЙ ТЕКСТ» XVII ВЕКА: КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С культурно-семиотической позиции рассматривается проблема «перехода» от средневековых традиций в русской литературе к традиции литературы Нового времени. Исследуется особая жанровая форма в русской книжности XVII в. – церемониальные тексты, являющиеся предвестниками появления в русской культуре театральных пьес. Переходный характер особой группы текстов проявляет себя в выборе формы, использовании книжных приемов, в способах выражения авторской позиции, что в итоге привело к утверждению в русской культуре новой семиотической парадигмы.

Ключевые слова: древнерусская литература, литература XVII века, проблема жанра, семиотика культуры.

О роли XVII в. в развитии русской литературы в науке сказано немало. Общее мнение, которое сформировано в отечественной традиции изучения литературы XVII в. исследователями¹ древнерусской литературы, – это осмысление XVII столетия как переломной эпохи в развитии отечественной культуры, как переходного этапа от Средневековья к Новому времени. «Переходность» эпохи, как отмечено в ряде исследований, посвященных литературному процессу XVII в., проявила себя в изменении литературной парадигмы, связанной не только с активным привнесением в литературу беллетристического (развлекательного, светского) начала, но и трансформацией авторского сознания, проявляющегося в изменении восприятия мира и соответственно в его изображении в литературном тексте [Ужанков, 2011].

Однако до сих пор ускользают от взгляда исследователей литературного процесса XVII в. многие образцы деловой книжности, являющиеся заметным фактом в истории отечественной словесности. К таковым,

к примеру, принадлежат тексты, именовавшиеся «чиновниками», содержащие подробные описания придворных церемониалов, церковных служб. Причина исследовательского «невнимания» к этой жанровой форме объясняется в первую очередь ее пограничным положением между литературой и документом. Тексты различных церемониалов лишены тех признаков произведений словесности, которые позволяют оценить прежде всего литературную их сторону, рассмотреть произведение в контексте традиции беллетристики, увидеть эволюцию авторского сознания, отдельных тем и мотивов, звучащих на разных этапах исторического развития отечественной литературы. И если посмотреть на «чиновники» именно с этой стороны, то тогда действительно они предстают не более как собрание документальных описаний различных светских и церковных обрядовых действий. Однако возможен и другой подход. Не будем забывать, что перед нами «текст-ритуал» (по определению В. В. Колесова²), и если к нему под-

¹ Работы И. П. Ерёмкина, Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, А. Н. Робинсона, В. В. Кускова, Л. И. Сазоновой, Е. К. Ромодановской, А. Н. Ужанкова и др.

² Чин свадебный // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. 618 с.

ходить с культурно-семиотической позиции («средневековые культурные тексты обладают высокой степенью семиотической насыщенности» [Лотман, 2004. С. 50]), то тогда станет возможным совершенно иное их восприятие, понимание места и роли в развитии отечественной литературы и шире – художественной культуры. Напомним, с позиции культурно-семиотического метода [Лотман, Успенский, 2004. С. 485–504] любой факт истории воспринимается и оценивается как событие коммуникации, описанное своим языком³. «В семиотической перспективе исторический процесс может быть представлен, в частности, как процесс коммуникации, при котором постоянно поступающая новая информация обуславливает ту или иную ответную реакцию со стороны общественного адресата (социума)» [Успенский, 1996. С. 11–12], и в этой ситуации «важно, как осмысляются соответствующие события, какое значение им приписывается в системе общественного сознания» [Там же. С. 12].

Исходя из подобного культурно-семиотического понимания исторического процесса (как коммуникационной модели), важным тогда становится взгляд на события истории (в том числе и историко-литературные) как на особый семиотический текст, отражающий систему представлений определенного «культурно-исторического ареала». «Культурно-семиотический подход к истории предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым признается то, что является значимым с их точки зрения» [Там же. С. 11].

С этой позиции любое событие, вербализованное и зафиксированное в документальной форме, есть текст, в котором запечатлена определенная система представлений о мирообразе, «обуславливающих как восприятие тех или иных событий, так и реакцию на эти события» [Там же]. «Тексты-ритуалы» определенной исторической эпохи, к числу которых принадлежат и «чиновники», как нельзя лучше демонстрируют, с одной стороны, фиксацию произошедшего исторического события, его «архивацию» в до-

кументальной форме, а с другой – этот же документ способен выразить эмоциональное отношение к нему со стороны того или иного субъекта. В итоге рождается иное понимание, новое осмысление события, и возникает определенная реакция на событие, его интерпретация, выражаемая посредством слова⁴. «Одни и те же объективные факты, составляющие реальный событийный текст, могут по-разному интерпретироваться на разных “языках” – на языке соответствующего социума и на каком-либо другом языке, относящемся к иному пространству и времени (это может быть обусловлено, например, различным членением событий, т. е. неодинаковой сегментацией текста, а также различием в установлении причинно-следственных отношений между вычленяемыми сегментами)» [Успенский, 1996. С. 13].

Применительно к литературному процессу следствием подобной ситуации, как известно, является проникновение в литературу документальных жанровых форм и в итоге их беллетризация. Данная проблема не потеряла своей актуальности и продолжает привлекать внимание теоретиков и историков литературы⁵. Круг вопросов, интересующих ученых, – это вопросы, в первую очередь затрагивающие особенности жанровых образований и различных модификаций внутри одного жанра, стилевое своеобразие, роль автора, эстетическое значение и ряд других. Однако процесс перехода документального текста в книжный, принятие им литературного облика возможно объяснить и с культурно-семиотической позиции, для которой важным является понимание «превращения события в текст... подчинение его заранее данной структурной организации» [Лотман, 2004. С. 339].

⁴ По этому поводу нельзя не вспомнить известную афористичную формулу Ю.Н. Тынянова, очень точно характеризующую процесс проникновения документального начала в литературу художественную: «Там, где кончается документ, там я начинаю».

⁵ Одна из последних работ, посвященных рассматриваемому вопросу, – это статья Е. К. Ромодановской «К вопросу о выборе деловой формы в литературных сочинениях» [2011. С. 5–15]. В своей работе автор вновь актуализирует проблему необходимости на современном этапе изучения документальных жанров, активно входивших в древнерусскую литературу в XVI–XVII вв. и влиявших на художественную природу ряда жанровых форм.

³ В данном случае понятие «язык» Б. А. Успенским трактуется не в лингвистическом, а шире – семиотическом контексте: «как механизм порождения текста».

Насколько прочно вошли в повседневный быт русского двора второй половины XVII в. церемониальные действия (чины), к примеру, могут свидетельствовать «Дневальные записки приказа Тайных дел» [Белокуров, 1908]⁶. Данный документальный памятник содержит в себе упоминание о следующих церемониалах, наиболее часто совершавшихся при дворе царя Алексея Михайловича с непосредственным его участием. Это действие на новолетие, совершавшееся ежегодно 1 сентября, прием послов, царские потехи – соколиная охота («ходил государь в Семеновское и на поле тѣшил ся птицами»), иные развлечения, сопровождавшиеся игрой на музыкальных инструментах («а достальные сокольники в особом же столѣ сидѣли, гдѣ органы стоятъ. 7176 г., сентября 1–10», с. 253), включая и первые театральные постановки – «комедии» («А после бож. литоргии изволил великий государь итти в переднюю и жаловал к руке иноземцовъ, которые были в комедии, и всякихъ чиновъ людей. 7181 г. апрѣля 3–24», с. 300; «А после стола въ 7-м часу н(очи) была потѣха: трубили в тру... и по накрамъ билли. 7183 г., октябрь», с. 313) и др.

Мы не рассматриваем здесь церковные службы, проходившие с неизменным участием царя, такие как всенощные, заутрени, вечерни, панихиды, торжественные праздничные службы, крестные ходы и др. Но Дневальные записки приводят упоминание об особых церковных чинах, представляющих целые театральные действия, в которых принимал участие царь: действие Страшного суда («а после божественныя литоргии великий государь ходил к дѣйству Страшного суда, а дѣйство было позади олтарей соборныя и апостольскія церкви на площади против прежних годов. 7168 г. февраля 23 – 2 марта» (с. 61, 170, 208); купание в Иордани («а после вечерни был ход на Иердань; а по совершени дѣйства на Иердани⁷ в соборную же церковь и было многолѣтье, и великому государю власти, и бояря, и окольничие, и думные, и ближние и всяких чинов люди здравствовали. 7170 г., декабря

29 – 11 января», с. 121, 206); действие «Шествие на осляти» исполнялось за неделю до Пасхи, в Вербное воскресенье, в день церковного праздника «Вход Господень в Иерусалим» («Въ 8 день в недѣлю Цветоносную великий государь слушал всенощного бдѣния и бож. литоргии... А преж литоргии великий государь ходил в... церковь, а ис соборныя церкви за образы к церкви Вход во Иерусалим Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, что за Спасскими вороты... а от Лобного мѣста в Кремль к соборной же церкви Успения пресвятыя Богородицы вель осля, как чинъ обдержить. Повод нес бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевской; а осля за узду вели: с правой стороны Илья Безобразов, с лѣвой патриаршъ казначей; на осляти сидѣл Новгородской митрополитъ Питиримъ. 7174 г., марта 25 – 7 мая», с. 212–213).

Как отмечалось в ряде исследований, некоторым из церковных чинов, после того как они вышли из церковной обрядовой практики, суждено было стать театральными пьесами [Первые пьесы..., 1972] и продолжить свое существование уже как произведения светской художественной культуры XVII в. Примером может служить чин пещного действия [Дмитриевский, 1894. С. 553–600; Поньрко, 1977, С. 84–100; 1999, С. 18–20; Стенникова, 2006], известный на Руси с XVI в. и имевший непосредственное отношение к церковному празднованию Рождества Христова. После того как чин пещного действия был упразднен, на его основе Симеон Полоцкий создает свою театральную пьесу «О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отрочех, в печи не сожженных»⁸. В этой же традиции находится и другая его пьеса «Комидия притчи о блудном сыне» [Симеон Полоцкий, 1953; Демин, 1972. С. 313–324], генетически связанная с четырьмя неделями, предшествующими Великому посту (о мытаре и фарисее, о блудном сыне, мясопустная и сыропустная) [Панченко, 2000. С. 74–75].

⁸ Точное время создания неизвестно, но к 1674 г. пьеса уже ставилась при дворе царя Алексея Михайловича. Об этом факте со ссылкой на работу С. К. Богоявленского «Московский театр при царях Алексее и Петре» (М., 1914) писал А. М. Панченко: «К сожалению, мы не знаем, когда была написана пьеса “О Навходоносоре царе”. Известен лишь документ от 24 февраля 1674 г., в котором идет речь о жалованье придворным мастерам за переплетение “книги комидии о царе Навуходносоре”» [Панченко, 2000. С. 73].

⁶ Далее все цитаты приводятся по указанному изданию с обозначением страниц в скобках.

⁷ Купание в Иордани (в проруби) как отдельная тема получит свое развитие в эпистолярном творчестве (переписка с А.И. Матюшкиным) царя Алексея Михайловича [Шунков, 2006. С. 40].

По мнению А. М. Панченко, одна из причин, которая может быть названа при объяснении процесса трансформации обрядового текста в театральное действие («комедию»), это новое «историософское ощущение», возникшее в XVII в. Появившиеся во второй половине XVII в. при дворе царя Алексея Михайловича театральные пьесы воспринимались как «правдоподобное изображение прошлого» [2000. С. 74]. «Чин Пещного действия “был истинным”, “комедия” же Симеона Полоцкого – всего лишь “правдоподобной”, она допускала вымысел, писательское вмешательство в историю (недаром до сей поры не выяснены все источники пьесы “О Навходоносоре царе”); они и не могут быть выяснены, поскольку в ней присутствует индивидуально-творческий момент). Чин Пещного действия и пьеса Симеона Полоцкого с историософской точки зрения находятся в антагонистических отношениях: на смену вере приходит культура, на смену “вечности-в-настоящем” приходит отдаленная история» [Там же].

Однако изменения, отмеченные А. М. Панченко применительно к литературному процессу 70-х гг. XVII в., стали складываться двумя десятилетиями ранее – в середине столетия. Примером может служить известный чин, но уже имевший светскую природу, – чин посвящения начального сокольника, подробно изложенный в «Книге, глаголемой Урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути» («Урядник сокольничья пути», 1656 г.)⁹.

Внимание к последнему чину в истории отечественной культуры и науки было постоянным, начиная с XVIII в. [Шунков, 2006. С. 44–52]. За время изучения памятника удалось подробно рассмотреть художественную природу произведения, для которой свойственно соединение традиций документальной и литературной книжности, осветить степень участия царя Алексея Михайловича в создании чина.

С позиции интересующей нас проблемы «Урядник сокольничья пути» также является примером книжного текста XVII в., где обе традиции (документальная и литературная) объединены. С одной стороны, по своей структуре перед нами типичное описание одного из множества придворных церемо-

ниалов второй половины XVII в. с подробным изложением порядка его проведения, с перечислением предметов, используемых по ходу совершения чина, основных действующих лиц, их роли и местонахождении в каждый момент совершаемого действия. Однако «Урядник», созданный при непосредственном участии монарха, имеет одно существенное отличие. Созданный как новая редакция известного до этого чина (что подчеркнуто в самом названии – «Новое¹⁰ уложение и устройство чина сокольничья пути»), по всей видимости, заменивший старый, до нас не сохранившийся, памятник предстает уже и как образец произведения, имеющего художественную природу. Подтверждением высказанного суждения являются те фрагменты чина (его вступительная часть), в которых составитель чина поэтизирует соколиную охоту, дает ей субъективную оценку (восхищение и воспевание) и выражает свое личное отношение к соколиной охоте. «И зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя, и забавляет веселием радостным, и веселит охотников сия птичьа добыча» [Собрание писем..., 1856. С. 91] и т. д.

Однако сейчас этот уникальный текст XVII в. может быть интересен не только своей художественно-эстетической стороной (что неоднократно отмечалось в ряде исследований [Шунков, 2007], посвященных истории и поэтике памятника), но и с позиции культурно-семиотической. На его примере возможно проследить, как в переходную эпоху для истории русской литературы и культуры происходил процесс смены семиотической парадигмы, процесс «превращения события в текст» [Лотман, 2004. С. 339], нарративный источник.

«Урядник сокольничья пути» по своей природе является уникальным творением для русской книжной культуры. Необходимо помнить, что данный текст существовал неразрывно с обрядовым действием (генетически восходящим к обрядам перехода [Геннеп, 2002]) – посвящения рядового сокольника в начальные. Текст чина дает подробное описание процедуры совершения этого обряда. По всей вероятности, данный обряд при дворе царя Алексея Михайловича совершался часто в силу особой страсти царя к соколиной охоте, о чем свидетельствует

⁹ Рукописный оригинал памятника хранится в РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 52 / 1. Л. 1–62. XVII век.

¹⁰ Выделено нами. – А. Ш.

эпистолярное наследие монарха, его переписка с А. И. Матюшкиным [Письма царя..., 1836; Собрание писем..., 1856. С. 11–86] и другими лицами, входившими в ближайшее окружение царя [Письма царя..., 1862. С. 1–5; Письма русских государей..., 1896].

В то же время текст чина редактировался неоднократно при непосредственном участии самого царя¹¹. Алексей Михайлович не мог не привнести в описание церемониала свое индивидуальное отношение к любимой потехе, не мог не выразить те эмоции, которые он испытывал в момент проведения охоты с птицами. Исследователями и публикаторами «Урядника» неоднократно приводились эти художественные фрагменты документа – творческие проявления «черной государевой руки» [Урядник..., 1969. С. 567–572, 774–775].

«Л. 11. Безмерно славна и хвальна кречать добыча. Удивительна же // Л. 11 об. и утешительна и челига кречать добыча. Угодительна же и потешна дермлиговая перелазка и добыча. // Л. 12. Красносмотрительно же и радостно высоково сокола лет. Премудра же челига соколя добыча и лет. // Л. 15 об. ... Радуйтесь и веселитесь, утешайтесь и наслаждайтесь сердцами // Л. 16. своими, добрымъ и весельмъ симъ утешениемъ въ предыдущія лета»¹².

Подобное соединение в одно целое поступка и слова (как раз здесь и происходит переход «из области ритуального игрового действия в сферу словесного текста» [Лотман, 2004. С. 287]), которое мы наблюдаем на примере «Урядника», и позволяет назвать его «текстом-ритуалом», создающим особый упорядоченный мир, особое представление об универсуме. Повторение определенных кодифицированных действий участниками ритуала и произнесение ими также узаконенных чином реплик имеет глубокую семиотическую природу, отражающую меняющееся авторское сознание во второй половине XVII в.: по образу и подобию церковных обрядов создать и узаконить в реальной действительности светский церемониал, который должен восприни-

маться как непреложный и требующий своего точного повторения в последующих ситуациях.

Здесь проявляется важнейшее свойство средневекового сознания, ориентированного на иное восприятие истории и времени, членение которого основано на строго упорядоченной повторяемости: «Подобно тому, как текст, имеющий на странице книги вневременное бытие, в процессе чтения реализуется как уже прочтенный, читаемый или тот, который еще будет читаться, текст мировой истории для средневекового сознания существует в своем глубинном бытии вне времени и лишь, обновляясь в реализующих его поступках людей, обретает временную последовательность. ... При этом следует учесть, что само понятие чтения было иным: оно подразумевало не только повторение и постоянное возвращение к определенным текстам, но и упорядоченность этих возвращений. Аналогично этому и человеческие поступки могли восприниматься как повторение поступков уже бывших, вернее повторная реализация их глубинных прообразов» [Лотман, 2004. С. 357].

Таким образом, памятник как по своим художественным, так и по мировоззренческим особенностям его составителя демонстрирует совершенно новое отношение к процессу создания и бытования текста в изменившейся историко-культурной ситуации второй половины XVII в. Новизна его в том, что задолго до острой полемики противоборствующих сторон (традиционалистов и «новых учителей»: Аввакума – Симеона Полоцкого) закладывается абсолютно новое для русской культуры понимание как процесса создания текста, так и его дальнейшего восприятия. Эта ситуация в свое время была определена А. М. Панченко как «замена веры культурой, обихода “утехой”, обряда зрелищем, “прохладой”, развлечением» [2000. С. 75].

Список литературы

Белокуров С. А. Дневальные записки приказа Тайных дел 7165–7183 гг. Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1908.

Геннеп А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит., 2002. 198 с.

¹¹ Рукописный вариант текста сохранил редакторские правки Алексея Михайловича. РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 52 / 1. Л. 1–62. XVII век.

¹² Текст цитируется по рукописному подлиннику: РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 52/1.

Демин А. С. Симеон Полоцкий. «Комедия притчи о блудном сыне» // Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII века / Изд. подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, В. П. Гребенюк; под ред. О. А. Державиной (Ранняя русская драматургия. XVII – первая половина XVIII в., вып. 2). М.: Наука, 1972. 368 с.

Дмитриевский А. А. Чин пещного действия: историко-археологический этюд (посвящается проф. Н. Ф. Красносельцеву) // Византийский Временник. СПб., 1894. Т. 1.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2004. 704 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2004. 704 с.

Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.

Первые пьесы русского театра. М.: Наука, 1972. 510 с.

Письма русских государей и других особ царского семейства. Письма царя Алексея Михайловича / Под ред. С. А. Белокурова. М., 1896. Т. 5.

Письма царя Алексея Михайловича к А. И. Матюшкину (22 письма) // Сборник Муханова. М., 1836.

Письма царя Алексея Михайловича к П. С. Хомякову (1656–1657) // ЧОИДР. М., 1862. Кн. 1: Смесь.

Поньрко Н. В. Источниковедение литературы Древней Руси (эпистолярное наследие XI–XIII вв., памятники рождественского и великопостного литургических циклов в народной культуре XVI–XVII вв., старообрядческая письменность XVII–XVIII вв.): Дис. в форме науч. докл. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999.

Поньрко Н. В. Русские святки XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32.

Ромодановская Е. К. К вопросу о выборе деловой формы в литературных сочинениях // Литература и документ: Сб. науч. тр. / Под ред. Е. К. Ромодановской. Новосибирск, 2011. 178 с.

Симеон Полоцкий. Избр. соч. / Подгот. текста, ст. и коммент. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953 (Серия «Литературные памятники»). 293 с.

Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856.

Стенникова П. А. Церковно-театрализованные действия в России XVI–XVII вв.: на примере «Пещного действия» и «Шествия на ослиати» в Вербное воскресенье: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 271 с.

Ужанков А. Н. Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2011. 512 с.

Урядник сокольничья пути // «Изборник» (Сборник произведений Древней Руси) / Сост. М. А. Салмина. М.: Худож. лит., 1969. 800 с.

Успенский Б. А. История и семиотика // Успенский Б. А. Избр. тр.: В 3 т. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 1. 608 с.

Шунков А. В. «Урядник сокольничья пути» как памятник русской художественной культуры середины XVII века. Кемерово: Арф, 2007. 70 с.

Шунков А. В. Жанр послания в русской литературе XVII века (на материале эпистолярного наследия царя Алексея Михайловича). Кемерово, 2006. 97 с.

Материал поступил в редколлегию 23.12.2013

A. V. Shunkov

«THE TRANSITIONAL TEXT» OF THE XVII CENTURY: CULTURAL AND SEMIOTICS ASPECT

The «transition» problem from medieval traditions in the Russian literature to the tradition of New Time literature is considered in the article from a cultural and semiotics position. The object of research is the special genre form in the Russian book creating of the XVII century – the ceremonial texts being a preparatory stage of emerging theatrical plays in the Russian culture. Transitional character of special group texts is proved in a choice of form, using book method and in the ways of expressing author's position that finally led to the statement of a new semiotics paradigm in the Russian culture

Keywords: Old Russian literature, literature of the XVII century, genre problem, culture semiotics.